СЕГОДНЯ ПРЕМЬЕРА...

СЕГОДНЯ вечером в театр придут зрители. Сегодня. Еще с утра их день был окрашен особым праздничным ожиданием. Вечером это состояние достигает вершины. Той крайней точки, когда оживаемый, чуть приглушенный гул в зрительном зале сменится секундами напряженной тишины — резкой гранью нервного ожидания появления Прекрасного.

Поднимется занавес... И начнется великое волшебство — разговор театра с человеком. О Человеке...

Это сегодня. А вчера...

***

НАЧАЛИ. Человек вышел в жизнь. Но вот одно сомнение, другое, третье. Одна информация и сразу — противоположная ей. Одно чувство парализуется другим... И человек теряет внутреннюю ориентировку, он мечется, изнемогает... И вдруг — вырывается из лабиринта...

— Стоп! Витас, пустота тоже путает. Внезапностью. Резче эти полшага назад... Пошли...

И опять идет борьба. Верные, безмолвное выражения борьбы человека с самим собой...

А я — завороженная — не могу глаз отвести. Даже к блокноту.

Беспредельна сила слова, человеческого голоса. Но вот это — совсем другое. Если к слову и голосу — слышимым — ты вдешь сам, то язык и голос тела (если можно так назвать средства пантомимы — да простят мне специалисты!) обладают молодостью, завораживающей силой и завладевают твоим вниманием помимо твоей воли.

Вот и теперь: я забыла, что это — репетиция. И даже голос режиссера, прерывающего действие, чтобы поправить актеров, не выводит из этого состояния...

О группе пантомимы Каунасского драматического театра я слышала раньше. О том, что год назад несколько энтузиастов — молодые люди разных профессий и еще без оных — решили создать «свой» театр. Что руководит ими тоже молодой актер — Модрис Тениссон. Что работала эта группа поначалу на правах самодеятельности в Вильнюсе при Молодежном театре, а спустя полгода — после первого своего выступления — была квалифицирована как профессиональная. Летом группа присоединилась к Каунасскому театру.

Эта несложная информация вызывала любопытство и некоторые сомнения. Полгода работы, начатой не пустом, во многих смыслах, месте — и готовый спектакль? Но ведь искусство пантомимы так сложно... Так быстро — и уже актеры-профессионалы?

***

Идет репетиция...

С ПЕРВЫХ же минут нашего знакомства все мои сомнения улетучились. Не могу сказать — в совершенстве владеют техникой своего искусства молодые актеры или нет (это решать специалистам). Поразил меня их настоящий, тяжелый труд, причем, труд осмысленный.

Пантомима — это графическая четкость и музыкальность движений. Специальных движений. Да это же, правда всего, тяжелейшая подготовка, тренировка и тренировка...

Поэтому: два часа работы утром. Час — занятия классическим балетом и фх, так называемой, постановки тела (сравнить — постановка голоса у певца) — сто процентов интенсивнейшей физической нагрузки.

И пять часов вечером: урок сцены и приемов пантомимы, репетиции, «придумывание» и разыгрывание этюдов. Тут уж и физическая нагрузка, и напряженность чувств и нервов. Их процентно никак не соотвесть...

Но пантомима — это выражение чувств и мыслей, внутренней жизни человека, где малое и большое тесно переплетено. Сложнейшие движения человеческого сердца — чтобы выразить их, надо знать, надо уметь их осмыслить. А это, как принято считать, доступно лишь людям в зрелом возрасте.

А они — мимы — умеют, хоть им далеко еще до «зрелого возраста». Вот маленький пример.

На занятиях режиссер задал темы: страх, покой. Два диаметрально противоположных состояния человека. Ни последовательности этих состояний, ни их соотношения, ни даже необходимости связи он не указал.

Несколько минут на размышление. Зигмунд Бажевич «начинает» с покоя — восторженного созерцания. Но вот оно постепенно нарушается предметом, вызывающим страх. Исподволь рвутся нити спокойствия, и с какой-то накатывающей силой человеком овладевает ужас...

У Гедрюса Мацяйчиуса поначалу был безмятежный отдых. Страх пришел внезапно. И эта внезапность вызвала недоумение и растерянность, что позволило ужасу прорвать защиту и завладеть человеком целиком. Но вот стихает пароксизм унизительного страха, и человек постепенно успокаивается. Во всем существе еще жива память о пережитом — и это уже спокойствие отчаяния...

А. Эла Савукинайте — сама женственность — увидела что-то прелестное, поймала, разглядела и щедро отдала другим. И испугалась. Испугалась, что в своей щедрости обделила себя. И заметалась — ах, верните мне мое...

И вот так, по-своему, каждый «прочел» задание режиссера. Каждый этюд давался две-три минуты, а какая сложнейшая гамма переживаний была передана.

Это — чувства. Но есть еще мысль. Каунасская группа посягает на большие философские категории. А у театров пантомимы вообще нет специфического материала, нет своей драматургии. И все: содержание и форму актеры должны «придумывать» сами, используя произведения литературы, изобразительного искусства, музыки.

Значит, необходима образованность. Значит, кроме самих часов конкретной работы в театре и спектаклей, читаются книги, изучается история искусства, слушается музыка. Просмотр кинофильмов, выставок, картинных галерей, встречи, беседы с деятелями искусства... Это ли не работа? И только ли работа?

***

При этом я хочу вспомнить еще об одном своем сомнении. До знакомства с группой мне первоначальным и замыслом создать новый театр из людей абсолютно не подготовленных показался дерзостью, больше — самонадеянностью. И это целиком и полностью относилось к организатору группы, ее руководителю и режиссеру — Модрису Тениссону.

Первый вопрос, который Модрис задал мне с ходу при нашем знакомстве:

— Что вы думаете о пантомиме?

— ? — И в течение дней общения с ним и группой я находилась во власти этого вопроса.

Этот человек постоянно излучает энергию своей одержимости и заражает ею других. Понятно, что он сумел увлечь и зажечь своих сверстников. Но увлечь одно, руководить — другое. Какое на это у него право?

Модрис в течение шести лет занимался в группе рижской пантомимы, которой руководит способный и знающий актер и режиссер Роберт Лигер. Модрис был одним из способнейших его учеников. Это — профессиональная подготовка...

Но наступил неизбежный — горький, но и радостный для каждого большого учителя момент, когда ученик, получив все, что тот мог дать, отрывается и уходит своим путем. Уходит по новой дороге, определенной его творческой индивидуальностью. Дороги Модриса Тениссона и Роберта Лигера расошлись в основном — в трактовке сути пантомимы. А Тениссон принадлежит к той категории людей, чей талант выражается состоянием: «иначе я не могу...».

Кроме того, он отличен общей талантливостью натуры, которая определяет высокую его душевную температуру. Сказывается эта талантливость во всем — в крайне обостренном восприятии окружающего, моментальной реакции на Красоту, в стремлении как можно больше и быстрей узнать.

Графика, скульптура, поэзия, драматургия — поражаешься глубине, конкретности и специфичности знаний этого очень еще молодого человека в столь трудных для восприятия и понимания областях.

Но всего этого было бы недостаточно, если бы не действенность. Модрис все время в движении, в состоянии непрерывной душевной поспешности, той нетерпеливости сердца, которая требует немедленного действия.

И требовательность — к себе и товарищам по работе, исходящая из глубочайшего уважения к искусству и личности актера.

Этюд.
Фото Р. РАКАУСКАСА.

Он хорошо знает, что необходимо театру. Все это вместе и дало ему большое внутреннее право на создание творческого коллектива и руководства им.

***

ДО ЗНАКОМСТВА с каунасскими мимами, я предполагала найти в их работе элемент игры, временной увлеченности. Но нет, там все — всерьез, убежденно...

Год назад была во многом игра, увлечение новым, необычным. Были совместные вечера, громкие, шумные споры, мечты о том, что, вот, было бы здорово иметь заброшенное помещение, оборудовать в нем театр. Все горели, мечтали, шумели, привлекая массу восторгов, поклонников, сторонников.

Но оказалось, что «свой» театр — это изматывающий труд, это вечное напряжение нервов и мозга. Это чувство ответственности и взрослость. А вот на все не у всех хватило сил и терпения. Некоторые, пошумев, ушли. Остались самые убежденные, напрочь «заболевшие» искусством пантомимы. Каждый из них ради теперешней своей «должности» отказался от другого, ранее определенного пути, точно зная, что жизнь в искусстве — ох, как нелегка. Это труд и труд, четкая организованность, железная дисциплина — внешняя и внутренняя, и полная самоотдача...

Что ж, пожелаем удачи. А остальное эти талантливые люди, судя по тому, что они собой представляют сейчас, сделают сами...

***

ИТАК, сегодня премьера. Группа пантомимы Каунасского драматического театра дает первый представление в нынешнем сезоне.

Т. ЮРНА,
спец. корр.
«Комьяунимо тесы».
Каунас.

«Комсомольская правда»
7 ИЮЛ 1985